

АЛЕКСАНДР СТАРОТОРЖСКИЙ

Лучший друг, пьеса и прекрасная Мери

WWW.STAROT-TITOVA.RU

Александр Староторжский

**Лучший друг, пьеса
и прекрасная Мери**

«Издательские решения»

Староторжский А.

Лучший друг, пьеса и прекрасная Мери / А. Староторжский —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-506368-7

Драматург с 1990 года. Пьесы шли на сценах Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга, Липецка, Мурманска, Пензы, Рязани, Самары, Саратова, Томска, Тулы, Читы, Южно-Сахалинска, Якутска и других городов России. Также пьесы Титовой и Староторжского ставили в театрах США, Канады, Украины, Белоруссии, Казахстана, Грузии, Таджикистана, Латвии и Финляндии, Эстонии.

ISBN 978-5-00-506368-7

© Староторжский А.
© Издательские решения

Содержание

Лучший друг, пьеса и прекрасная Мери	6
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Лучший друг, пьеса и прекрасная Мери

Александр Староторжский

© Александр Староторжский, 2019

ISBN 978-5-0050-6368-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Лучший друг, пьеса и прекрасная Мери

До 27 лет я жил очень весело и приятно. Как скворец.

Наша компания состояла из бойких, жизнерадостных молодых людей, выпускников известных советских театральных и музыкальных вузов. Мы все работали в хороших театрах, но получали такие гроши, что, казалось, жить на них, а тем более жить весело, полнокровно, было совершенно невозможно. Но мы жили.

С сумками полными дешёвого, вкусного, советского вина, мы шлялись из гостей в гости, и веселились сутками, неделями. До полного самозабвения. Буквально.

Обязательно нужно сказать, что дамы наши (ныне уже бабушки) веселились несравненно осмотрительней и осторожней, с присущим женщинам тактом и серьёзным отношением к жизни, которое начисто отсутствовало у мужской части нашей компании – у нас, то есть, у бурно расцветавших молодых советских суперменов. Так мы о себе воображали. Уверенно, без тени сомнения.

Когда вино заканчивалось, мы становились серьёзны, спокойны... Мы горами читали книги (преимущественно запрещённые) обсуждали их, спорили... Пользуясь служебными пропусками, бесплатно ходили на спектакли в другие театры. И совершенно несправедливо и безжалостно обругивали знаменитых, великих актёров, абсолютно серьёзно полагая, что мы-то гораздо лучше, талантливей этих «пронафталиненных» авторитетов. И пройдёт немного времени, и судьба вознесет нас повыше этих «альп и гималаев».

Юность, как известно, вообще цветёт, окружённая плотными, непроницаемыми стенами наивности и самодовольства. В этом её счастье.

Некоторые походы в театр оставляли незабываемое впечатление. Ну, на меня, например. Однажды осенним вечером, развязная, весёлая, подвыпившая шайка моих приятелей, впёрлась ко мне в театр Оперетты, где я работал хормейстером. На премьеру «Летучей мыши». И в перерыве, оскорбляя наш сверкающий, зеркальный пол грязными, мокрыми ботинками, громко (нарочно громко), потребовала от меня финансовой компенсации за будто бы испорченный вечер. Ни сколько не возражая, не сердясь, я отдал им всё, что у меня было... И они шумно удалились, оставив мне номер телефона, по которому я буду иметь счастье их найти и лицезреть.

Я не верю в то, что они как-то особенно презирали мой театр. Уж слишком часто и неожиданно они его посещали... Ну, вот эпизод...

Генеральная репетиция... Через 15 минут должен появиться хор. Моё присутствие обязательно. Вдруг, на цыпочках, ко мне подкрадывается инспектор хора, и тихо шипит, что в раздевалке, на служебном входе меня ждёт молодая, красивая дама. Бегу. Кто?! Что мне за это будет? Выскакиваю из коридора в раздевалку, и цепenea от ужаса, вижу – Мери! (Мери студентка театроведческого факультета ГИТИСа. Из Армавира. Мери – производное от Марианна.)

Мери неимоверно красива. И это очень плохо! Будет зритель, который нужен мне как рыбке зонтик. Мери совершенно пьяна. Она, улыбаясь, покачивается, и её почтительно поддерживает один из пожарных театра, осторожно и плотоядно заглядывая в широкий вырез её дорогого, белого, почти прозрачного платья, где совершенно не скрывалось нечто великолепное, опьяняющее... Я влюблён в Мери. Мери знает о моих чувствах и иногда издевается надо мной. Её злит, что я до сих пор не сделал ей предложение. А как я могу его сделать? Я боюсь её. Мери не справляется со своим характером. Ну, предположим, она сломает меня, и это предложение я ей сделаю. А она возьмёт и выйдет замуж за другого! И будет смеяться надо мной! Зачем мне эта сумасшедшая?!

Мери нетвёрдой походкой идёт к подоконнику, где горкой стоят судки с ресторанной едой. Я на грани обморока. Мери поднимает крышку одной из кастрюлек, и ехидно спрашивает:

– Сашенька, хочешь узбекский супчик?

Какой супчик?! Что за маразм?! Сзади раздаётся смех. Я оборачиваюсь. Так, публика на месте. В дверном проходе стоят солисты, молодые, высокие мужчины во фраках, с лакированными головами. Чуть ниже их, на ступеньках, презрительно ухмыляясь, застыли, поражённые красотой Мери, артистки... В своих ярких нарядах они похожи на райских птиц.

Гремит бархатный баритон премьера:

– Милая, красавица заморская! Оставьте этого испуганного юношу! Пойдёмте ко мне! Я съем вас вместе с вашей чихиртмой! (Смех. Всем весело.) У Мери в глазах появляется нечто, вроде, а не пойти ли?

Я схватываю её и её судки, и быстро вывожу на улицу. Солнце сияет! Красота! Мери бросает судки на асфальт. Прохожие, чертыхаясь, шарахаются. Мери начинает плакать. Я равнодушен. Ничего нового. Я забегаю в театр, и иду в зал, где кипит, клоочет репетиция. Вхожу, и натываюсь на ледяной взгляд главного режиссёра. По бескровным губам его пробегают ядовитая улыбка. Независимо сажусь. В голове одна мысль, выгонит сейчас, или чуть погодя?

На сцене что-то произошло, что-то упало. И это отвлекло режиссёра от меня. Дёрнувшись, он рывкнул:

– Что там происходит?! Почему всё разваливается?! Где Франченко?!

На сцену пулей вылетает двухметровый, широкоплечий артист, лет тридцати. Он одет в короткие, клетчатые шорты, странную шёлковую, жёлтую рубашку, не то мужскую, не то женскую... На шее у него тяжело висит муляж огромного, пятнистого питона. За ним лихо, руки в боки, гордо выходит красивая дама, в годах... Похожая на персидскую розу в своём красном, огнём горящим под лучами прожекторов, воздушном платье.

– Начали! – кричит режиссёр.

Оркестр грянул что-то жизнерадостное, беспешабашное, игривое... С волнующей, искрящейся, аргентинской сумасшедшинкой... Нужно петь, танцевать... Балет напрягся... Но артист в клетчатых штанишках, рванувшись, наступил на хвост питона, и с грохотом, рухнул на сцену. Пыль столбом! Хохот! Смеётся даже главный режиссёр. «Слава Богу, обо мне забыли» - понял я и успокоился.

Через минуту на сцене должен появиться хор. Меня это не пугает. Всё выучено...

Когда история с Мери стала забываться, произошла другая история, не менее интересная.

Среди моих друзей выделялся некий молодой человек, актёр, которого мы прозвали Учителем Жизни. Почётную кличку эту он получил за поразительную способность интуитивно угадывать, какой из самых дешёвых портвейнов в магазине самый вкусный. Входим. Выпускаем вперёд Учителя. Он быстро оглядывает прилавок и указывает длинною, как весло, рукой на одну из бутылок, ценой копеек в девяносто... «Вот эта!» - говорит Учитель, и вопрос решался успешно. Кроме того, в отличие от нас, Учитель уже был знаменитостью, звездой. Настоящей! На улице его узнавали, улыбались ему... Девушки ласково, нежно смотрели ему вслед...

Три года назад, ещё будучи студентом ГИТИСа, Учитель, ныне артист академического театра, успешно снялся в известном фильме, в главной роли, что сделало его подвижную, симпатичную физиономию всесоюзно знаменитой. Был у него, правда, недостаток: когда он слегка перепивал, то начинал, вдруг, ощущать себя артистом уровня Кларка Гейбла, или Михаила Ульянова... Он мрачнел, замыкался, и с высоты своих двух метров смотрел на мир и людишек, его населявших, капризно и пренебрежительно. Но это ничего. Это пустяки. Это прошлось. Как только Учитель уходил в «другое измерение», мы собирали последние копейки, покупали

ему персональную бутылку пива, и Учитель опять возвращался к нам, таким, каким мы его знали и любили – простым, добрым, остроумным и обаятельным.

Так вот! Лето, август... Прихожу я как-то в свой театр за два часа до начала спектакля, пробежать глазами одну оперетку... Нужно было в начале второго действия продирижировать небольшой хорик... Надо было его вспомнить... И у служебного подъезда, на асфальте, через мельканье ног прохожих, вижу что-то большое и пёстрое... Подхожу, смотрю – Учитель! Невежливо ярко и модно одетый, сидит прямо на тротуаре, и мрачно поглядывает по сторонам. Люди идут, озираются... Его все знают... Лицо его смотрело на них и с экрана, и с обложек журналов... А тут он сидит как-то странно... Весь модный, на асфальте... Видно, что обнищать после съёмок до положения нищего, он ещё не успел... Увидел меня, вяло поднял руку, и отвернулся... Ясно, кризис... Мысли мои заметались...

– Что ты тут делаешь? – спросил я у Учителя.

Учитель тускло посмотрел на меня и пробурчал:

– Угадай с трёх раз!

– Пиво?

– Какой ты умный! – иронично сказал Учитель, поднялся, и потребовал его опохмелить.

Входим в театр. Идём в театральный буфет... Из отдалённых. Это было опасно, но что делать? Идём! Насмешливо оглядывая наши великолепные коридоры, Учитель бессовестно-громко сказал:

– Так вот в каких шикарных хоромы изготавливается вся эта слащавая, идиотская бурда!

Я попросил его заткнуться. Учитель умолк, но поглядывал по сторонам с юмором. Особо на фотографии артистов балета. Он не любил балет. И оперу не любил. Не считал искусством. Говорил, что балет «Гамлет» и опера «Война и мир», гнусное кощунство. И ещё всякие названия вспоминал, брезгливо. Особенно он плевался, когда появлялись оперы и балеты по Чехову. Впадал в ярость. Сбрасывал со стола бутылки...

Я забыл сказать, что сопровождал Учителя на опохмелку, наш приятель, художник Димка Пяточкин. Димку мне Бог послал, конечно.

Входим в буфет. До спектакля два часа. Буфетчицы, не спеша, готовят его к работе. Пиво – какое угодно! – рядами... Буфетчицы Учителя узнали, покраснели, улыбаются ему... Не доходя до стола, негодяй Учитель, ласково пробасил:

– Девочки! (Девочкам лет по 50) Пожалуйста, нам десяточек «Золотого двойного». Ну, что застыли, куколочки мои? Гения не видали, и вдруг, он пришёл? Бывает! Ну, давайте, просыпайтесь! Шевелите булочками, а то гений взгрустнёт!

И, загремев стулом, плюхнулся за стол. Рядом осторожно сел Пяточкин, каждую секунду готовый пресечь попытки Учителя поднять «девятый вал».

Учитель странно улыбался. Только сейчас до меня дошло, что он пьян сильнее, чем я думал. Я бросился к буфетчицам. Я был одним из руководящих сотрудников театра. Меня знали, уважали. В данный момент мне откровенно сочувствовали. Я, слегка заискивая, попросил извинения за болтовню Учителя, и отнёс на наш столик 10 чёрных, ребристых бутылок.

С Учителем что-то произошло. Он, вдруг, жадно, залпом, не отрываясь, выпил одну бутылку, другую, третью... В глазах его мелькнуло безумье. Он вскочил, широко расставил ноги и, выбросив правую руку ладонью к небесам, прокричал:

– Пить или не пить! Вот в чём вопрос!

Договорив это, он во весь свой рост, тяжело, плашмя, рухнул на наш стол и замер. Бутылки полетели. Звон разбитого стекла сводил с ума. Учитель, как оказалось, спал. Испуганные буфетчицы бросились собирать осколки. Я не знал, что делать. Хотелось выпрыгнуть в окно. Спас Димка. Извинившись, он легко закинул спящего Учителя за спину, как охотник закидывает убитое животное... И унёс его из театра.

Я пошёл в свой кабинет. Я ни секунды не сомневался, что после этого эпизода меня выгонят... Но нет, не выгнали... Милые буфетчицы меня не заложили... Вскоре я сам ушёл. Вынужден был уйти. История банальная. Я рассказал знаменитому музыканту пару смешных историй про своего начальника, человека странного и фальшивого... Ему доложили, и он, осатанев от ярости, стал сживать меня со свету, проявив в этом деле больше таланта, чем в музыке...

Итак, прощай, милый театр Оперетты! Спасибо за приют! Но мне нужно дальше!

Так вот! Декабрь 1977 года. Москва вся завалена снегом. Мороз и солнце. Вечерами, в густой темной синеве, ярко мелькают первые праздничные огонёчки. Настроение у меня паршивое. Винный ручей опять иссяк. Как всегда не вовремя. Грустно не мне одному. Вяло перебиваемся. Скоро праздники и надо что-то делать. А что? Денег нет. Но главное не в этом. Прошло два года, как я ушёл из театра. Что великого, эпохального я совершил за это время? Ну, вылечился от неприятной болезни, красивое название которой всегда вызывало глупые остроты и улыбки. (На глупых, весёлых лицах!) А что смешного? Это серьёзная штука! Что в меня наливали! Как это жгло! Страшно вспомнить! И ведь все эти юмористы, всё это пережили сами! И всё равно им смешно! Дураки. Громче всех смеялась Мери, мол, знай с кем связываться!

Что ещё... Ну, написал несколько каких-то тусклых, чахоточных рассказов, к которым мои друзья отнеслись совершенно равнодушно... Это было очень неприятно, но справедливо...

Два слова о рассказах. Лет с восьми я был убеждён, что стану писателем. Как Лев Толстой. Я совершенно ничего не писал, но так любил литературу, что иного пути в жизни не мыслил. Это не важно, что я 10 лет учился в знаменитом музыкальном училище. Совершенно не важно, что я закончил Московскую консерваторию, как дирижёр хора. Так шла жизнь. Я подчинялся ей, но до поры, до времени. Я был убеждён, что перемены близки. Что скоро я празднично войду в Высший Литературный Синклит, и осыплю мир блестящими литературными произведениями. Мозг кипел от радостных предчувствий... Но подтверждений тому, что я тот, кем так хотел быть – не было. Не было! Ну сотня страниц каких-то обрывков... И всё!

А вдруг, любить литературу и делать её, не одно и то же?! Вдруг я пустышка, ноль?! Этого не может быть! А вдруг?! Если так, то я не знаю, что я с собой сделаю!! А что ты сделаешь? Не знаю!! Я выскочил из кровати, в которой лежал третьи сутки с книжкой Толстого, и побежал в ресторан Всероссийского Театрального Общества (сокращённо ВТО), надеясь, среди ресторанного раскардажа забыть о своих ужасных мыслях. У меня было с собой 3 рубля. Тогда, на эти деньги, в этот ресторан можно было пойти. Взять бутылку вина, встать куда-нибудь в уголок, и потихоньку пить из горла, исподтишка разглядывая публику. Стоишь в какой-нибудь щели, а вокруг знаменитые артисты бродят... Женщины красивые, за столиками, смотрят на тебя ласково и внимательно: а кто, мол, этот осанистый красавец с каштановой бородкой, в белом свитере, с бутылкой самого дешёвого вина? Почему он пытается скрыться от глаз в таком странном месте? А вдруг это таинственный интриган? Знаменитость без пяти минут?! Ах!

В ресторан я приехал перед самым закрытием... Преодолев привычно формальные, вежливые попытки Фёдора Ивановича (человек у двери), меня усовестить и остановить, я вошёл в зал. Ресторан тонул в дыму. Гул. Официантки были измучены до предела, но иногда, всё-таки улыбались. На столах живописно лежали остатки роскоши. Кто-то просил, умолял... И роскошь сгребали, и на не очень чистые скатерти со стуком ставили другую роскошь, свежую. Вечер заканчивался. У бара – осторожная, интеллигентская толкотня. Подхожу. Привезли финский ликёр из чёрной смородины. В уютной, пузатой бутылке с длинным горлышком. На этикетке крупные, аппетитные ягоды и готические, золотые буквы. Я такой ещё не пробовал. Слегка потолкавшись, пробился к буфетчице, и покупаю полный стакан. Пробую... О!!!

Ликер ароматен, как лукошко с ягодами!.. Он тягучий, тонко-сладкий как нектар! Он чёрный, как древний яд! Волшебным огнём зажигается он в каждой клеточке тела!

Всё! Литература забыта! Толстой забыт! Мне хорошо! Сейчас этот стакан допью, потом ещё, потом...

– Саня, иди к нам! – недалеко от меня, за маленьким столиком, сидят артисты оркестра Большого театра, Витька и Мирон. Мы учились вместе в консерватории. Перед ними шампанское. Минуты три бессмысленного, но весёлого разговора, и вдруг, Витька рассказал, как ограбили знаменитую оперную певицу. У певицы было что взять. Во всех странах мира, где она пела, ей делали всякие невероятно дорогие подарки. Короли, президенты, музыканты... Ну и спёрли всё! И как остроумно спёрли! Восторг!

Витька рассказывает. Тихо рассказывает, но от возбуждения серые глаза горят! Выпучились! На шее жилы напряглись. Лицо мокрое от пота.

– Решила наша примадонна съездить на недельку в Пицунду, мясы свои окунуть в воды Чёрного моря... Осчастливить его, так сказать! Ну, а поскольку она очень умная, то охрану не поставила... Милицию она не уважает, видите ли! Ну, а квартира набита драгоценностями: картины великих мастеров на стенах висят... Это же надо охранять? Или нет? Надо! Говорят, было у неё одних драгоценностей миллиона на три долларов. Не слабо, да? Миллионерша советская, едрён корень!

Мирон лениво встрял:

– Витя, она лучшая певица мира! Ей положено!

Витька тихо, зло, глаза горят, жила на шее дёргается:

– Я помню! Но я ведь не об этом! Я могу дальше повествовать? Спасибо! Так вот, была у неё соседочка, бывшая замминистра культуры... Обе одинокие бабы, очень дружили... И оставляет наша звездица – пи...ца ключи от своей квартиры этой соседке: пригляди, мол! Та берёт, обещает присмотреть! И присматривает! Зайдёт, чайку у неё попьёт, и идёт домой. Чай у певицы был фантастический! Премьер-министр Цейлона прислал. Пластинку её послушал и – бац! – тюк чая, величиной с холодильник – получите! Так вот, сидит как-то наша замминистра на кухне у певицы-подружки, и дует её чай. Вкусно! Печенье кушает кремлёвское... Вдруг, звонок в дверь. Замминистра спокойно открывает, ничего не боится, у дома всегда машина с ментами патрулирует, и видит: три мужика в форме ГУМа притащили изумительный шкаф из карельской берёзы. Просят товарища народную певицу расписаться в получении. Замминистра не понимает. Оказывается, певица ещё год назад заказала такой шкаф. Для неё это было возможно. Ну, замминистра объясняет, как дело обстоит. Сожалеет. Тогда мужики серьёзно говорят, что шкаф не отдадут в чужие руки, и отвезут его начальнику Генштаба СССР. Он тоже заказывал. Наша подружка в смятении: шкаф потрясающий, как его отдать? Тем более он оплачен, и сумма запредельная! Сбегала она домой, документы свои внушительные принесла, и забирает шкаф под расписку! Под свою ответственность! Ну что, мужики плечами пожали, внесли шкаф в квартиру и ушли. Замминистра очень довольная, что подружке угодила, водочки хряпнула, и пошла к себе спать. Утром приходит, чтобы полюбоваться на шкаф при свете дня, и... Ах и ох! Караул! Дверь нараспашку! В квартире всё перевёрнуто! Картины из рам вырезаны, драгоценности – ёк! Ясно, что шкаф был исполнен по троянскому образцу. Сидел в нём кто-то. И как только замминистра удалась, этот кто-то вылез из шкафа, и квартиру обчистил до чиста! Ну, замминистра с инфарктом в кремлёвку. Певица прилетела, и тоже в кремлёвку. Такая вот история! Выпьем за гениальных мастеров!

Только Витька закончил свою новеллу, как со мной что-то стало происходить... Голова моя запылала! Какие-то люди забежали в ней, заговорили, стали спорить, драться... Смех зазвучал! Что это?! Такого никогда не было!! Я понял – пьеса зарождалась во мне! Стремительно! Молнией! Сразу вся! От начала и до конца! Вот он, огонь настоящего искусства! Во мне он тоже горит! Горит! Жжёт! Подгоняет! Бежать, бежать домой! Работать!

Через полчаса я прибежал домой. Было два часа ночи. Я пытался писать, но вдруг почувствовал себя совершенно разбитым, и перебрался на софу...

В девять я уже сидел за столом и выбрасывал строчку за строчкой. Я написал, слегка переделав, сцену со шкафом, а потом стал писать уже всё остальное, то, что родилось в моём воображении. Продолжение и развитие этой истории. То есть то, что и было собственно пьесой.

Три дня я писал, правил, раздирал в ярости бумагу, снова писал, хохотал, катался по софе, вживался, перевоплощался в моих жуликов, в другие персонажи, матерился, перестал есть и, наконец, написал. Написал и отнёс машинистке. Насмерть перепуганная мама спросила, что со мной было. Я сказал, что написал пьесу. Мама молча ушла к себе, и принесла мне какие-то успокоительные таблетки. Я поцеловал её и ушёл гулять по Фрунзенской набережной.

Как сейчас вижу: кругом снег, -на земле, на деревьях, на шапках прохожих, на женских шубках... Лица румяные, праздничные! ДРУГИЕ ЛИЦА! Окна домов светятся так ярко и ласково, как они могли светиться только в молодости... Иду, пьянея от зимнего воздуха... Иду, не чувствуя ног... Ещё секунда, ещё один всплеск воображения – и улечу к чёртовой матери! Ведь новая пьеса лезет! Новая! Вина мне!

И пью кисло-горькое, дешёвое, чернильного цвета, страшно вкусное, алжирское вино... Одну бутылку, вторую, третью... Потеряв им счёт, восклицаю на всю набережную: это лучше ваших паршивых таблеток! Какой полёт! Какое счастье! Никогда такого вечера у меня в жизни ещё не было! И с сегодняшнего дня каждый мой вечер будет таким!

Но получилось по другому. Вскоре я заболел и огонь угас, полёты прекратились... Начались больницы, таблетки, от которых я спал сутками, месяцами, годами... В общем, это мало интересно...

Через три дня я забрал пьесу у машинистки. Принёс домой. Мама спросила, я могу это прочитать? Я отдал ей. Пока она читала, я сидел в кресле в другой комнате, и ждал её реакции. Ну, слышу, идёт! Входит. Лицо радостно-потрясённое. Счастливое. Такой я её никогда не видел.

– Я не ожидала – сказала мама, положила пьесу на стол и, со слезами на глазах, поцеловала меня.

Вечером мы пили болгарское вино (которое тогда ещё можно было пить), ели какое-то очень вкусное песочное печенье, и обдумывали, что делать с пьесой.

Мы слышали о всяких безобразиях, творящихся в театральном и литературном мире. В мире искусства вообще. Мы слышали о закрытии спектаклей, притеснениях писателей, художников, композиторов... О диссидентах... О психушках... Но моя пьеса была настолько безобидна, весела и лишена всякого политического акцента, что оснований для опасений не было. Ну что такого я написал? Ну, коротко: сцена со шкафом была первой, я только резко снизил социальный статус действующих лиц. Я по опыту знал: начальство трогать не нужно. Хлопот не оберёшься. Знаменитая певица стала просто артисткой, молодой, красивой и богатой. Замминистра превратилась в обычного провизора. Продавала в аптеке лекарства. Как-то актриса (я дал ей фамилию Калистратова), воспользовалась помощью Тришкиной (так я назвал провизора), и они подружились: Калистратова стала иногда доставать Тришкиной и её дочери билеты на известные спектакли. Так вот, Калистратова уехала купаться в Геленджик! И оставила ключи от своей квартиры Тришкиной. Калистратова оказалась не умнее оперной певицы, что совершенно ясно из её действий. Тришкина, у которой в квартире не было телефона, через каждые 15 минут стала бегать к Калистратовой, посмотреть «как там дела». То есть, без конца звонила подружкам, что доставляло ей огромное удовольствие.

Далее! Пишу ещё короче: принесли шкаф. Тришкина его осмотрела, хотела дверцу открыть – не вышло. Тогда такой брак не слишком удивлял. Тришкина возбуждённо сообщила подружкам, какой шкаф Калистратовой принесли «улётный». И ушла домой, спать.

В квартире Калистратовой мрак. Темнота. Из шкафа – луч света. Открывается «бравованная» дверца, и из него вылезает некто Рябов. Ясно – вор. Он быстро исследует всякие ящички, открывает бюро, и складывает в портфель драгоценности и всякую бижутерию Калистратовой. Всё вместе. Разбирать, что действительно ценно, что нет, некогда. Укладывая в портфель очередную порцию украшений, Рябов роняет что-то. Что – не знает. Какую-то штучку. Этому эпизоду он значения не придаёт. Всё собрал, хочет смыться, – не вышло. У Тришкиной бессонница. Рябов слышит, как открывается дверь, и еле-еле успевает шмыгнуть в шкаф. Тришкина, зевая, звонит каким-то таким же несчастным. Жалуется на бессонницу. Заканчивает разговор. И перед тем, как уйти, ещё раз осматривает шкаф. И – вещь странная! Дверца слегка отошла. Почему? (У Рябова не получилось закрыться на щеколду. Боялся громко щёлкнуть.) Тришкина открывает дверцу, и всовывает голову в шкаф. Рябов схватывает её за горло, подтаскивает к креслу, и сажает в него. Перед тем, как уйти, предупреждает, что если она его сдаст – на опознании, или ещё как-нибудь... То и её, и её дочку моментально отправят на тот свет. Тришкина хрипит, что не сдаст. Рябов хочет уйти, уже подходит к двери, и тут Тришкина называет его по имени. Рябов, естественно, ошалел. Что такое? Откуда она его знает? Тришкина напоминает ему, что когда-то у них был роман в Ялте. Что у неё дочь от него. И происходит у них долгий разговор. На нежную тему любви. Тришкина упрекает, Рябов оправдывается – сидел, мол, десять лет в тюрьме. Тришкина явно опять влюбляется в Рябова, что тому совершенно не нужно... Хотя встреча его поразила и растрогала. Пообещав «не пропадать», Рябов, свистит тихо в окно, зовёт своих «коллег по промыслу». Шкаф-то нужно унести. Пока приятели идут, Тришкина и Рябов складывают украшения Калистратовой на место. Тришкина продолжает ласково пытаться Рябова упрёками. Рябов что-то мычит, стиснув зубы. Ну, и вот, приходят «коллеги», люди весьма суровые. Жизнь Тришкиной повисла на волоске. «Коллеги» не понимают, почему нельзя пришить глупую бабу, с которой ты когда-то потрахался по пьянке. Дочка? Ну и что! Есть люди и посерьёзней, жизнью которых рисковать нет абсолютно никаких оснований. Рябов категорически заявляет: убить не дам. Все знают, что ножом Рябов владеет очень хорошо, поэтому, лучше его не нервировать. Ладно. Решают – пусть баба живёт, хотя это глупо, конечно. Но – пусть! Сегодня они великодушны. Прощаются с Тришкиной. И тут эта милая, но очень простодушная женщина, спрашивает у главного: а вы нашли штучку, которую Миша уронил? Свинцовая, страшная пауза. Вопрос: какую штучку? Ответ Рябова никого не удовлетворяет. Он понимает, какая складывается ситуация. Он начинает говорить, что мол, ерунда какая-то... Начинаются жёсткие расспросы... Что за ерунда? Что за штучка? А, вдруг, камень серьёзный? Калистратова прижмёт Тришкину, напомнит о существовании милиции, и Тришкина всех сдаст! Наверняка! Без колебаний! Далее ситуация накаляется до жара нестерпимого. Кажется, все сгорят в этом огне. Ну а как же иначе? Пьеса, есть пьеса. Ситуация должна быть напряжённой. Перепрыгивая через десяток сюжетных поворотов, сообщая: всё кончилось хорошо. И даже, как мне казалось, смешно. Вот, собственно, и вся пьеса. Ни слова критики в адрес Советской власти. В сюжет пьесы это не вписывалось. И потом! Смешно думать, что грандиозный СССР может испугаться анекдота, изложенного в форме пьесы. Не может этого быть, решили мы с мамой. И я отнёс пьесу в театр. Через неделю мне позвонила заведующая литературной частью, и пригласила меня в театр, побеседовать.

Я пришёл. На пороге кабинета меня встретила маленькая, полная женщина, лет 55, в чёрном костюме. Лицо её было необыкновенно доброжелательно. Она пригласила меня сесть в большое, кожаное кресло, а сама села в другое, напротив. И беседа началась. Сначала всё было хорошо: завлит ласково и внимательно расспрашивала меня о моей жизни, о моём писательском опыте... Я, смеясь, сказал, что опыта у меня нет совершенно, что это первая моя пьеса... Завлит сказала, что она это поняла... И странно посмотрела на меня... Потом стала говорить о пьесе... И вот тут я пришёл в страшное замешательство: кто-то из нас был явно сумасшедший! Либо она, либо я! Но – кто?!

То, что завлит говорила, казалось мне запредельной, сверхъестественной ерундой... Просто идиотизмом! Но ведь она свой человек в театральном мире, и если бы у неё «не все были бы дома», то её, конечно бы, выперли из театра... Но, вот она сидит напротив меня... И не проявляя никаких признаков сумасшествия, говорит совершенно безумные вещи! Сделав серьёзное, и даже скорбное лицо, она сказала, что пьеса моя не в меру мрачна, и лишена обычного для советского человека, оптимизма.

(Я подскочил! Как мрачна?! Это же весёлая комедия! И при чём тут оптимизм? Я ведь писал не об этом!) Не обращая внимания на мою нервную реакцию, завлит говорила дальше: в вашей пьесе, все действующие лица – воры. (Это была правда. Воры. Ну и что?) А воры не лучший объект для социального и психологического исследования. (Я обалдел. Где она видит исследования? Я комедию написал про жуликов! И всё! Что она мелет?!) Поэтому моя пьеса, не отражающая проблемы советского человека, не может быть интересна современному театру. (А мои воры разве не советские люди? Или у нас их нет? Тогда кто сидит, тысячами, в советских лагерях? Кто грабит, ворует, убивает? Инопланетяне?! И, неужели, наших советских людей интересуют только «проблемы»?) Когда завлит закончила свою лекцию, я искренне высказал ей своё изумление по поводу того, что услышал от неё. Завлит снисходительно улыбнулась и вернула мне пьесу. Пожелав мне дальнейших успехов, проводила меня до двери своего кабинета. В догонку она сказала, что главным качеством советского драматурга должно быть мужество... Я не понял, и обернулся... Завлит улыбалась... Глаза были злые... Она была похожа на маленькое, хитренькое, ядовитое, чёрное яблочко... Мужество, мужество... Потом я всё понял, конечно... Но не сразу понял, сколько его было нужно, этого мужества!

На улице я зашёл в магазин, купил чекушку коньяка, и стоя лицом к стене, быстро её выпил... Потом съел холодный, слегка мокрый пирожок, и поехал домой. Сидя в троллейбусе я думал: может быть это она одна такая чокнутая? Может быть, в других театрах сидят нормальные завлиты?

Я не ошибался. «Нормальные» завлиты были. Но все они говорили приблизительно то же самое, что и «ненормальные».

Я почувствовал себя загнанным в угол. Я не знал, что делать. Я, как мне казалось, незаслуженно и случайно попал в капкан маразма... Или абсурда... Это всё равно.

Маме я, естественно, всё рассказал, и она предложила такой вариант: разослать пьесу известным драматургам, и если они прочтут её, что маловероятно, но возможно, выслушать их точку зрения... И поступить с пьесой так, как они посоветуют. Я её послушался, разослал пьесу и стал ждать.

Я понимал, что впереди праздники и ждать реакции драматургов раньше середины февраля глупо. И может быть вообще глупо. Но я ждал! От телефонных звонков вздрагивал... Почти не пил... Не ходил в гости... Читал с утра до ночи... Пробовал писать, но был так рассеян, что не мог написать ни строчки... 30 декабря позвонила Мери и сказала, что может «осчастливить меня визитом».

С Мери меня познакомил Учитель. Три года тому назад.

Мы с Учителем вместе служили в армии, в Ансамбле песни и пляски. Он после ГИТИСа, я после консерватории. Он числился заместителем ведущего концертов. А я пел. Хотя голоса у меня не было. Но поскольку моя фамилия была однажды произнесена человеком в маршальских погонах, то считалось, что голос у меня был... Причём хороший...

Служили мы очень весело. В 8 утра мы собирались в Ансамбле, переодевались в военную форму, которую всегда носили с собой в чемоданчиках, и «служили». То есть собирались в пустой раздевалке, и рассказывали всякую смешную чепуху... Пили пиво, издевались, по тихой, над начальством...

С 11 до 14 была репетиция вместе с основным составом Ансамбля. Потом вольнонаёмные (артисты) уходили домой, а нас в 16 часов отпускали до следующего утра.

Нас, солдатиков, было 15 человек: баянисты, виолончелист, вокалисты, был знаменитый домрист и ещё несколько балалаечников.

У всех у нас было высшее музыкальное образование, и в творческом отношении мы были люди вполне серьёзные, но иначе как «сачки» нас не называли. И это было справедливо... Настоящая служба была в частях... А мы... Что можно было сказать о нас? Если коротко описать наше состояние, то мы почти серьёзно ощущали себя избранниками Божиими, и поэтому были постоянно счастливы... Постоянное ощущение избранности – очень приятное чувство. Совершенно непонятно как оно может надоесть. Я слышал, что кто-то жаловался, что надоедает. Бедняжки!

Однажды утром в Ансамбле появился Учитель с какой-то девушкой. Мы насторожились.

– Вот, знакомьтесь, – задыхаясь от быстрого хода, сказал Учитель. И вытащив из кармана бутылку пива, пару раз отхлебнул.

– Королева красоты института театрального искусства, и земного шара вообще. Будущий театровед. Захотела на вас, мудаков, посмотреть. Очень она, знаете ли, любопытна. Зовут её Мери. И никак иначе. Она из Армавира. То ли казачка, то ли персиянка. Тайна мирового масштаба. Не вздумайте ей делать предложение сразу, моментально... Уже было несколько... Со смертельным исходом! – договорил Учитель, и завалился на гору шинелей, лежащих на полу. Допивать пиво.

Девушка засмеялась.

– Дурак, что ты болтаешь! Ты оставишь меня без женихов! Не верьте ему, мальчики, я нормальная тихая девушка. Идеальная жена.

Мери не спеша, сняла смешную, разноцветную, вязаную шапочку под «будёновку», и модную, дорогую дублёнку. Только сейчас мы её разглядели. И оцепенели. Окаменели. Не могли дышать. Перед нами стояла настоящая восточная красавица. Как её описать? И нужно ли? Ну, восточная красавица, что тут неясного? Одна деталь! От неё исходил свет удивительной душевной чистоты... Она казалась неземным существом... Никто из нас подобной девушки никогда не видел. Красивых – видели, но прекрасная – впервые стояла перед нами. Остальное пунктиром.

Чёрные, сияющие глаза смотрели на нас весело и дружелюбно. Волосы, аккуратно, модно подстриженные, блестели словно чёрный шёлк. Она была среднего роста, гибкая, очень тонкая в талии... Но всё женское в ней было развито так сильно, округло и соблазнительно, что мы, впервые столкнувшись с подобным чудом природы, буквально сошли с ума, не зная как себя вести, не понимая, что делать... Мы стояли и восторженно и глупо смеялись, словно нанюхались кокаину.

Мери прекрасно знала, какое она производит впечатление. Особенно на очень молодых мужчин. Она села на стул, подставленный ей широкозадый виолончелист Серёжей К. и стала нас весело рассматривать. Она ждала, когда мы придём в себя, и наша встреча станет такой, какой она и должна была быть: шутки, смех, комплименты... Конечно, огромная влюблённость в неё, но здоровая, без массового паралича!

Ну, и конечно, всё так и произошло, как хотелось Мери: мы все сразу влюбились в неё. И всё в Ансамбле завертелось вокруг неё. Со скоростью звука появились два торта, шампанское, и докторская колбаса. Над колбасой она смеялась. Шутя, сказала, что всегда мечтала попробовать «военную еду». Учитель мрачно поглядывал на нас и молча пил вино.

Вечером мы: я, Мери, Учитель, и мой однокурсник Марик, который тоже служил с нами, переместились ко мне. Мама была на дежурстве. Голова моя горела: а вдруг что-то получится?! Вот она, Мери, рядом... Пьёт чай с вареньем и смеётся... Марик съел два куска торта и уехал. Он был женат на очень красивой девочке, в характере которой было что-то, ну скажем, слегка деспотическое... После её звонка Марик побежал домой, доедая торт на ходу.

Мери подошла к окну, посмотрела в него, на нашу знаменитую башенку:

– Я уже была в этом доме, кажется... В гостях у артиста Н. (произнесла знаменитую фамилию). Он ведь здесь живёт?

Я сказал, что здесь. И мгновенно возненавидел артиста.

Учитель ехидно буркнул:

– Везде-то ты была...

– Я ещё нигде не была, -печально улыбнувшись, ответила Мери. И я понял, что сейчас она уедет.

Я утащил Учителя на кухню, и стал умолять его сделать так, чтобы Мери осталась у меня. Учитель оглянулся, потом тихо, отчётливо сказал:

– Только через мой труп. Хочешь ещё пожить? Держись от неё подальше. Завтра я тебе всё объясню.

И они уехали. Мери на прощанье поцеловала меня. Поблагодарила за гостеприимство. Дверь за ними захлопнулась. Неожиданный поцелуй Мери ошеломил меня. Зачем она это сделала? Как мне теперь жить? Что завтра мне скажет Учитель? Что это значит: хочешь жить, держись от неё подальше? Да я уже без неё не могу! И если всё так загадочно и опасно, то зачем он привёз её к нам?!

Утром Учитель приехал трезвый и серьёзный. Даже отказался от пива. Мы ушли с ним в дальний угол раздевалки, и сели на старые, разбитые стулья. Учитель осмотрелся, осторожно закурил (это запрещалось), пару раз глотнул дым, потушил сигарету, и стал рассказывать мне о Мери.

– Забудь её. Заставь себя. Я подлец, что привёз её к вам. Но она меня упросила! А когда она просит, ей нельзя отказать, потому что она демон! Натуральный! Из ада! Она как-то так умеет влиять на человека, что он ей обязательно подчиняется. Прекрасные глаза светятся лаской, нежностью, добротой... Она прильнёт к тебе, поцелует, сука... Ты заметил, что от её поцелуя огонь по телу бежит, и мозги с винта слетают?

Я кивнул. Как не заметить? Учитель опять осторожно курнул, и продолжил:

– Мы познакомились два года назад. Я перешёл на последний курс уже в ранге звезды. Она поступила на первый, на театроведческий. Это была бомба! Все наши институтские красотки померкли, скисли! Мы недоумевали, почему она выбрала театроведческий? Это с её-то космической красотой! Да она тут же бы получила главную роль в какой-нибудь киношке! Тут же бы стала звездой! Но её не интересовало искусство кино. Ей нравились совсем другие вещи. Как только она появилась, за ней сразу стали ходить табунами. Ухажёров она меняла, чуть ли не каждый день. Самые красивые ребята получили твёрдую отставку. Но при этом, она ни с кем не спала. Она просто просила оставить её в покое, и принимала ухаживания другой жертвы. Единственный, кто добился великого счастья потрахаться с ней – был я. И тогда я узнал её тайну. Её суть! Зерно, мать твою, её существа!

– Почему ты? —тупо спросил я. Я знал, что иначе и быть не могло. Учитель был красив, остроумен, знаменит, обаятелен... Кто устоит? И зачем? Но, всё-таки спросил.

– Не знаю, – устало сказал Учитель. – Может быть потому, что со мной интересно было ходить по улицам. Все оглядываются. Улыбаются. Женщинам нравятся такие кавалеры... Они и сами ощущают себя звёздами. Однажды мы с Мери зашли в ресторан Дома Кино. Меня там встречали очень приветливо, а тут ещё и Мери со мной. Когда она вошла в зал ресторана... Так кротко, скромно... Все мужики перестали жрать, и выпучились на неё. Дам перевернуло... Мы сели за стол и заказали вино... Напротив нас, за длинным столом сидел целый взвод известных режиссёров, операторов и артистов... Они тоже забыли про свои шашлыки и выпучились на Мери... Она стала смеяться. Ситуация её не удивляла, она её развлекала. Мы с ней в этот вечер крепко выпили, и она, вдруг, пригласила меня к себе, чего раньше не делала... Квартиру Мери снимала в страшно дорогом месте, в Лаврушинском переулке... Причём не какую-нибудь однокомнатную, величиной со спичечный коробок, а двухкомнатную, большую, очень

хорошо обставленную... На какие деньги? Я спросил, она не ответила, и поставила на стол две бутылки французского шампанского... В этот день я остался у неё. Я ликовал! Я буду спать с неприступной Мери! Ура! Но я ликовал напрасно... Мери на мою страсть никак не реагировала... И у меня появилось ощущение, что я насилюю труп... Я потребовал объяснений. Мери принесла бутылку водки и всё мне рассказала. Четыре года тому назад она вышла замуж за одного парня в своём Армавире... Она была, как там и полагается, девственницей, любила своего жениха, и мечтала о детях и нормальной семейной жизни. Но – хрен вам на рыло! Чтоб душа не ныла! Выяснилось, что она не испытывает никакого интереса к сексуальным отношениям с мужчиной. К тому же врачи сказали, что у неё не может быть детей. Мери бросила мужа, и пошла по рукам. Может быть, какой-нибудь орёл... Нет, орлы были, но эффект тот же – полное равнодушие. Она спала и с бабами. А это вообще вызвало отвращение. Тогда она рванула в Москву. Зачем? Она не знала. Но надо же что-то делать... Куда-то бежать... И она прибежала в ГИТИС, поскольку она девка умная и талантливая. И стала учиться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.